

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 94–101, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-94-101
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Local Folklore Text in the Light of the Gatherer and Editorial Problems

Madina M. Pashtova ¹

¹ Ph. D in Philology, Leading Research Associate, Department of Ethnology and Folk Art, Kerashev Adygean Republican Humanities Research Institute (Maykop, Russian Federation). E-mail: gupsa@mail.ru

Abstract. The article examines the conditions of mutual influence of a fixed text and a folklore field, i. e. secondary factors which are significant during the recording of a text and its ‘return’ to the informant in the form of media and printed materials. The methods applied are as follows: audio and video recordings and journaling; comparative-typological, structural-functional, and statistical analyses.

The Circassian diaspora of Anatolia is a unique folklore field. So far the researchers of the traditional culture of the Circassian diaspora have paid no attention to the factors of the ‘reverse’ influence of the scientific discourse and the fixed text which, thus, happened to be in the field of the tradition.

The article aims to identify the factors of such mutual influence of texts of a separate cultural enclave and its informants in conditions of a gradual development of the Cyrillic alphabet and the appearance of publications of oral texts in the form of printed and media products. Observations outlined in the article are based on the author’s collecting and editorial experiences accumulated during the in-depth study of Uzun-Yaila (Kayseri Vilayet, Turkey) folklore field during the 2009, 2011, 2014 and 2015 expeditions and the preparation of field records of local folklore for subsequent publications.

The paper reveals the principles of working on a text important for the diaspora field. In particular, taking into account the ‘horizontal’ communication intensity in the field under study, it is necessary to pay attention to the questions formulating strategy, including those set by folklorists in the media space (social networks), when composing the conceptual and terminological apparatus of the editions of local traditions — to give priority to popular definitions, to adhere to graphic symbols and principles which make the written text as close as possible to the local dialect without complicating the interpretation (i. e. to reserve more accurate transcriptions for special language editions). In general, the interaction of a folklore publishing scientist and representatives of the tradition under study should consciously adhere to the principle of the minimal ‘invasion’ into the vernacular practices.

Keywords: folklore, local text, field recordings, editorial practice, Circassians, diaspora, vernacular culture

Черкесская диаспора в Анатолии — уникальное по своим свойствам фольклорное «поле». Ее уникальность обусловлена отсутствием письменности и официальных (профессиональных) учреждений культуры.

Аутентичность функционирующих здесь фольклорно-дискурсивных практик привлекает специалистов самых разных направлений. Однако до настоящего времени в исследованиях по традиционной куль-

туре черкесской диаспоры не обращалось внимание на факторы «обратного» влияния научного дискурса и зафиксированного текста, оказываемого на «поле» традиции. Целью настоящей статьи является выявление факторов взаимовлияния текста отдельного культурного анклава и его носителя в условиях постепенного освоения кириллического письма и появления публикаций устных текстов в виде книжной и медиапродукции.

Наблюдения, изложенные в статье, основаны на собирательском и эдиционном опыте автора, накопленном в ходе углубленного изучения одного из черкесских анклавов Турции (Узун-Яйла, экспедиции 2009, 2011, 2014 и 2015 гг.). Материалом исследования являются разножанровые устные тексты, наиболее явственно иллюстрирующие специфику (фонологическую, лексическую, стилистическую) местного материала в его сопоставлении с текстами других анклавов диаспоры и Кавказа. Особо продуктивным нам кажется сопоставительное изучение фольклорно-жанровых схем исследуемой локальной традиции, выявление жанровых и репертуарных приоритетов, обусловленных самыми разными социальными факторами (историческими, классовыми, гендерными), накопление материалов для фольклорно-языкового словаря (специфической местной лексики и фразеологии). На основе исследуемого материала могут быть выработаны основные эдиционные принципы, способствующие минимизированию влияния письменного текста на аутентичность «поля» и современные вернакулярные практики.

Анклава Узун-Яйла занимает особое место в ряду локальных фольклорных традиций черкесской диаспоры. Он в течение 150 лет (со времен Стамбульского Исхода) находился в культурной изоляции, а ввиду запрета со стороны турецкого государства письменности и официальных учреждений культуры — под минимальным вторичным влиянием. Первые записи отечественных (кавказских) фольклористов, сделанные здесь, относятся преимущественно к «общим» разведывательным экспедициям 1990-х гг., которые ставили своей целью более широкий географический охват черкесских анклавов Анатолии и Ближнего Востока. Наиболее значимым изданием по результатам этих полевых разысканий явился сборник «Фольклор адыгов Турции»

под редакцией профессора Р. Б. Унароковой [Тыркуемисадыгэхэр 2004], в который вошли тексты, записанные примерно от двадцати информантов — представителей исследуемого нами анклава.

В последние годы в процессе освоения кириллического письма и развития средств коммуникации носители узун-яйлинской традиции стремительно втягиваются в литературное и медийное поле. И это современное «пограничное» состояние способствует активному рефлексированию на стыке мышления устной и письменной, аутентичной фольклорной и профессиональной традиций.

Специфическую функцию выполняют в этой ситуации тексты, продуцируемые профессиональными фольклористами как в виде публикаций сборников полевых материалов, так и в виде высказываний в социальных сетях, интервью, статьях на языке оригинала и пр.

Описание и изучение отдельно взятых локальных культурных традиций как на Кавказе, так и в диаспоре — одна из приоритетных задач современной черкесской фольклористической науки. Теоретическое обоснование выбора тех или иных параметров описания имеет в контексте заявленной задачи первостепенное значение. При всей сложности осуществления междисциплинарных комплексных исследований привлечение этнографического аспекта является востребованным. Опыт отечественной (восточно-славянской) фольклористики в описании локальных фольклорных традиций представляется незаменимым [Региональные исследования... 2015; Дранникова 2013; Христофорова 2010]. Общие и частные явления, параметры, определяющие специфику локальной культурной традиции, достаточно рельефно могут быть обозначены при разных подходах: фольклористическом и лингвофольклористическом (поиск «ключевых слов» в фольклорно-репертуарных списках, народной жанрово-обрядовой терминологии, фольклорном ономастиконе; фольклорной фразеологии, лексикологии, диалектологии). Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, проблема не должна сводиться к установлению границ традиции или картографированию отдельных ее элементов. А. Н. Власов, например, считает ключевой проблему локальной памяти, во многом обусловленной внефольклорными факторами и историче-

ски актуальными дискурсивными практиками [Власов 2015].

Возвращаясь к исследуемой нами черкесской диаспорной традиции, отметим, что антропологи, фольклористы, историки, социологи, политологи приезжают в узун-яйлинское «поле» из академических учреждений Кавказа, самой Турции, Великобритании, Японии, Америки и других стран. В программах кавказоведческих конференций Турции узун-яйлинской тематике обычно уделяется повышенное внимание, исследования охватывают локальную культуру Узун-Яйлы с самых разных сторон и аспектов [Geçmiştengeleceğe Çerkesler... 2014].

Однако до сих пор не существовало специальных публикаций фольклорных материалов, собранных в анклав Уzun-Яйла и изложенных на языке оригинала с применением классических академических эдических принципов. В настоящее время нами подготовлен к изданию первый сборник, который, как мы надеемся, в определенной степени восполнит этот пробел [Anadoluda Çerkes Kültürü... 2016]. Проблема структуры и жанрового наполнения издания текстов локальной традиции представляется достаточно сложной. Учитывая то, что тексты непременно «вернутся в поле», мы решили начать публикацию местных материалов не с общего свода, а с апробации в виде издания репертуара одного информанта. В составленный нами сборник вошло 67 текстов, записанных от одного из известнейших сказителей в среде черкесской диаспоры Турции Али Шогена (1922–2016), уроженца узун-яйлинского селения Шигебахово. Это несказочная проза (новеллы, «классические» сюжеты об известных эпических, исторических героях), сказки (кумулятивные и волшебные), героические песни-плачи, песни-сетования, паремиялогия (в том числе контекстные нарративы, разъясняющие значение пословиц, поговорок, фразеологем), несколько текстов *хорыбзэ* (метакоммуникативные послания), *хохи* (благопожелания), философские притчи и мемуары, контекстные нарративы *адыгэхабзэ*, связанные с этическим кодексом. Репертуар информанта эмпирически можно разделить на несколько основных блоков. Первый — это тексты, увезенные полтора века назад с Кавказа. Среди них есть образцы, сохранившиеся в живом бытовании только здесь, в Узун-Яйле, по причине особых социально-исторических условий существования это-

го анклава (см., например, цикл «Махъсы-мафэ»). Другой блок — тексты собственно узун-яйлинского фольклора, сложившегося здесь за период проживания вне исторической территории.

Исследование идиолекта одного информанта, составление словаря его текстов, описание метаязыка, репертуарных предпочтений — всё это создает, на наш взгляд, тот необходимый минимум эдической практики, отталкиваясь от которого собиратель выходит на следующие публикационные и исследовательские проекты применительно к локальному материалу.

Более или менее целостное описание фольклорной «картины мира» малого этнического сообщества должно, безусловно, использовать репрезентационный потенциал текстов, сообщаемых статусным информантом, если, конечно, подобное описание в принципе возможно с точки зрения методологии: «Причина отсутствия таких прецедентных работ видится не только в недостатке систематически собранных репрезентативных данных, но и в определенной методологической загвоздке, связанной как раз с критерием целостности. Мы имеем в виду ставший тривиальным вопрос о правомерности представления суммы характерных для определенной культурной традиции знаков и их значений в качестве цельной „картины мира“» [Алексеевский 2008: 181–182].

Понятно, что в данном случае к «статусности» и «репрезентативности» фольклорист подходит со своими критериями. Одно из отличительных качеств, ожидаемых от известных информантов (в данном случае лучше употребить термин «сказители»), когда они предстают перед телекамерой или массовой аудиторией во время торжеств, устраиваемых активистами общественных организаций, — умение эксплицитировать «большие» истории, в то время как на сеансе экспедиционной записи, так и в традиционно-сельских коммуникативных ситуациях востребовано скорее мастерство рассказывания локальных историй.

Али Шогена при жизни приглашали в городские офисы черкесских организаций (*Хасэ, дернек*) во время официальных и праздничных мероприятий как старейшину, умеющего наставить, преподнести урок *адыгэхабзэ* (черкесский морально-этический кодекс), произнести красивую речь по случаю. Однако практика публичных

выступлений, как это иногда бывает, не влияла на его сказительскую стилистику, интонацию и репертуарные предпочтения. Говоря о проблеме изменения условий, в которых происходит трансмиссия текстов, Н. В. Петров пишет: «В текстах, транслируемых носителями традиции, все большую роль играют индивидуальная интерпретация медийных и художественно обработанных образов, личное отношение, а не некий «стандарт» или типизация, обусловленные цензурой традиции» [Петров 2015: 141].

В этой связи мы можем отметить, что информант, тексты которого составили наш сборник, не следовал установленным штампам и стереотипам, не пытался «приукрасить» смысл сообщаемой в беседе этнической информации, не делал конъюнктурных акцентов в своем фольклорном репертуаре. Для фольклористов Али Шоген — находка: его тексты аутентичны и оригинальны, философские рефлексии очерчены рамками традиционной устной культуры, не подвергнуты влиянию современной книжной и медиаинформации.

Наиболее рельефно и детально специфика фольклорной культуры Узун-Яйлы, ментальные характеристики описываемого очага культуры материализуются (вербально и акционально) в особом стереотипном комплексе — *узун-яйлинском нарративе*, объединяющем значимые семантические элементы описываемой традиции. Народный терминологический лексикон, следуя которому мы остановились на выборе указанного термина, выстраивает синтагматический понятийный ряд: *узун-яйлэ-эршэр* ('узун-яйлинский оршер, игровые словесные поединки'), *узун-яйлэхьыбар* ('узун-яйлинское предание'), *узун-яйлэ-унафэ* ('узун-яйлинское решение'), *узун-яйлэхьэццэц* ('узун-яйлинская гостиния'), *ди Узун-Яйлэ(м)* ('наша Узун-Яйла', 'у нас в Узун-Яйле'). В зависимости от групповой самоидентификации говорящего, его отношения к местному сообществу («свой» или «чужой»), эпитет «узун-яйлинский» может менять свое значение от высокопрестижного («последовательный», «аристократический», «традиционно-черкесский») до насмешливого («излишне церемониальный», «патриархальный», «кабардинский»).

Необходимо отметить, что в азиатском региональном культурном пространстве (например, в государственных и частных медийных проектах о традиционной

культуре) узун-яйлинский фольклорный текст является одним из узнаваемых, в том числе и для представителей других черкесских анклавов Турции. Таким образом, мы можем наблюдать одну из устойчивых функций стереотипных устных текстов — функцию структурирования локальной идентичности [Дранникова 2013].

Текст узун-яйлинского нарратива отличается некоторой закрытостью и, по определению К. Чистова, «связан с весьма определенной и конкретной социальной и локальной группой, ее диалектом, уровнем сознания, структурой сознания, эстетическими вкусами, т. е. этот текст принципиально эзотеричен, предназначен „для своих“» [Чистов 2005: 232].

«Возвращение» материалов в «поле» традиции неизменно связано с репутационными и профессиональными рисками для собирателя. Этой проблеме был посвящен специальный раздел одного из последних выпусков журнала «Антропологический форум» [Отношения антрополога и изучаемого сообщества 2016]. Как бы фольклористы ни стремились минимизировать вторичное влияние публикуемых текстов на «поле» традиции, они, тем не менее, оказывают не прямое «разрушающее» вторжение в ее внутреннюю среду, иногда — самой лишь благородной целью «сохранения» утрачиваемой этнической памяти. «Публикации фольклора занимают в системе культуры двойственное положение. По отношению к аутентичной устной традиции они выступают скорее как литература, поскольку напечатанные тексты утрачивают способность к варьированию, отрываются от контекста исполнения и т. д. По отношению же к литературе они скорее представляют собой фольклор, так как соотносятся с жанровой системой устной традиции, сохраняют фольклорные сюжеты, мотивы и образы, ассоциируются с народным бытом и системой ценностей» [Толстая 2009: 38; Топорков 2016: 32].

В черкесской диаспоре, в условиях отсутствия письменности, мы можем наблюдать, каким образом зафиксированный на медианосители фольклорный текст приобретает свойства литературного: аудио- или видеозаписи авторитетных информантов вот уже несколько десятилетий распространяются в качестве информационно-языковых эталонов. В нашей полевой практике бывали случаи, когда один информант про-

сил нас поделиться копией записи другого информанта с целью «узнать новое, проверить свои знания». Таким образом, материальное закрепление, о котором говорил В. К. Чистов [Чистов 2005: 31], культивирование и циркуляция зафиксированного аутентичного варианта может играть роль в процессе «литературизации» текста, проявления свойств вторичности.

Вместе с тем, мы встречались также со случаями обращения информанта к собственным записям на латинице в виде репертуарного списка или специальных помет в блокноте. Функции подобных записей обозначаются С. Ю. Неклюдовым как исключительно мнемонические [Неклюдов 2009].

Таким образом, фольклорное «поле» живой устной традиции, каковой является черкесская диаспорная культура, до сегодняшнего дня представляющее собой сферу естественной («контактной») коммуникации, приближается к пограничному состоянию, интра-культурная фиксация текста возвращает его в собственную среду, изменяя естественную географическую локализацию и условия / способы передачи. Фольклорист в этой ситуации может выступать более или менее активным гарантом аутентичности текста, публикуемого в том числе непрофессиональными собирателями. Так, в пространстве социальных сетей иногда поднимаются вопросы, связанные с «правильным / неправильным» (диалектным / литературным) произношением или написанием слова. Зачастую дихотомия *устное / книжное* ассоциирована в сознании представителей диаспоры с противопоставлением *хэхэс акцент* ('акцент живущих на чужбине') и *хэкурис акцент* ('акцент живущих на родине'). И если часть более или менее начитанных пользователей из числа диаспоры, знакомых с изданными литературными текстами, считают, что письмо должно быть универсализованным, то опытные собиратели — любители фольклора, проявляющие живой интерес к имеющимся в отечественной науке полевым и эдиционным практикам, придерживаются мнения (сложившегося не без влияния профессиональных фольклористов), что устные тексты должны публиковаться «как есть» и это только обогатит национальную культуру и язык.

С освоением кириллической письменности черкесское диаспорное «поле» будет

неизбежно испытывать вторичное влияние книжных изданий полевых материалов. Мы можем лишь пытаться минимизировать это влияние если не на уровне сюжетов, мотивов, текстов, то на уровне фольклорно-речевых явлений. В первом издании узун-яйлинских полевых материалов мы, следуя принятым в адыгovedении эдиционным принципам, постарались по возможности сохранить отличительные особенности местной речи, в первую очередь, лексические и фонологические. Значение тюркизмов и арабизмов, наиболее употребительных в речи черкесов диаспоры, а также характерных для фольклорного текста архаичных слов и специфических местных выражений, разъясняется в постраничных сносках. Словари заимствований и местных выражений, специальные указатели к текстам местной традиции планируется издать в качестве приложения к объемному сборнику фольклорных текстов Узун-Яйлы.

Основная фонологическая отличительная черта местного говора — это палатализованные согласные [гъ] (г'эд, г'атэ вместо лит. *джэд, джатэ*), [кь] (к'эт, к'ысэ вместо *чэт, чысэ*), [кль] (кл'апсэ, кьамышыкл' вместо *ч'апсэ, кьамышычл'*), [хь] (х'эку, х'абзэ), [й] (*адыйагъэ, жый, бэйын* вместо лит. *адыгагъэ, жыг, бэгын*). Для того чтобы не усложнять читателю восприятие текста, мы обозначаем два палатализованных звука с помощью одного знака «г». Но только в том случае, когда мы имеем взрывной согласный [гъ], мы обозначаем палатализацию диакритическим значком: г'атэ. В случае с мягким щелевым [й] мы сохраняем аналог литературного написания: *адыгэ*.

Для печатного варианта узун-яйлинского текста актуален также ряд других фонологических особенностей: свистящий [с] (вместо лит. *шъ*) в утвердительном копула-суффиксе —с (*жалас, тхэмадэс*), ларингальный спира́нт [һ] в показателе множественного числа (*уэркъһэр, хьэтыкъуейһэр*). В некоторых случаях для узун-яйлинской речи характерно выпадение краткого [и]: *адрер, абде, КI'эдыкӀуейһэ, Тамбуһэ* (наряду с такими формами как *адрейр, абдей, КI'эдыкӀуейһэ, Тамбийһэ*). Учитывая неустойчивость этого явления, с той же целью неусложнения текста для читателя, мы решили придерживаться формы, наиболее распространенной на письме. Более точные транскрипции востребованы, на наш взгляд,

лишь для специальных лингвистических исследований.

Диаспорная культура отличается наибольшей консервативностью, закрытостью, повышенной социальной функциональностью. Фольклор черкесов Анатолии, который фиксируется более или менее активно в последние десятилетия, является для исследователей источником верификации многих спорных научных фактов и суждений — этнографических, исторических, языковых. Актуализация аутентичных фольклорных форм и продуктов как в медиапространстве, так и в академических изданиях представляется если не инструментом «удержания» поля в рамках традиции, то одним из факторов влияния на характер трансформаций вернакулярных практик.

Литература

- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / под ред. М. Лурье // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 179–209.
- Власов А. Н. «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности / региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. С. 70–82.
- Дранникова Н. В. Фольклорно-речевые данные как индикатор локальной идентичности жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Народные культуры Баренцева Евро-Арктического региона: новые методы исследования. Мат-лы Межд. молодежн. науч. школы по фольклористике (г. Архангельск, 8–11 ноября 2012 г.). Под общ. ред. проф. Н. В. Дранниковой. Архангельск, 2013. С. 15–26.
- Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (дата обращения: 14.07.2016).
- Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Антропологический форум. СПб., 2016. № 30. С. 8–72.
- Петров Н. В. Мифологические тексты о русалках на русско-белорусском пограничье (новые записи) // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. С. 140–152.
- Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы. Сб. ст. / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. 296 с.
- Толстая С. М. Устный текст в языке и в культуре // Слово устное и слово книжное / сост. М. А. Гистер. М., 2009. С. 34–40.
- Топорков А. Л. Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / отв. ред. В. А. Тишков; сост. Н. В. Тарасова. М., 2016. С. 23–41.
- Тыркуемисадыгэхэр. ЙорыЙуатэр (Фольклор адыгов Турции. Сборник текстов, на адыг. яз.) / сост. и ред. Р. Б. Унарокова. Майкоп, 2004. 580 с.
- Христофорова О. Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции. Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2010. 46 с.
- Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Geçmiştegeleceğe Çerkesler:Kültür, Kimlikve Siyaset. Editörü Sevdalankuşve Esra Oktay Arı. Ankara, 2014. 542 s.
- Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri. Derleyen, Onsozve Yorumlar: M. M. Pashtova. Ankara: Kafkas Araştırma Kulturve Dayanışma Vakfı, 2016. 149 s.

References

- Alekseevsky M., Zherdeva A., Lurye M., Senkina A. *Slovar' lokal'nogo teksta kak metod opisaniya gorodskoy kul'turnoy traditsii (na primere Mogileva-Podol'skogo) / pod red. M. Lurye // Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya / sost. V. A. Dymshits, A. L. Lvov, A. V. Sokolova* [Vocabulary of a local text as a means to describe a city's cultural tradition ... Edit. by M. Lurye ...]. St. Petersburg, European Univ. at St. Petersburg Press, 2008, pp. 179–209 (In Russ.).
- Vlasov A. N. «Pamyat' mesta» kak aspekt teoreticheskoy problemy lokal'nosti / regional'nosti v russkom fol'klore [‘Memory of

- place' as an aspect of the theoretical problem of locality / regionality in Russian folklore]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, pp. 70–82 (In Russ.).
- Drannikova N. V. *Fol'klorno-rechevye dannye kak indikator lokal'noy identichnosti zhiteley Zimnego berega Belogo morya (Mezenskiy rayon Arkhangel'skoy oblasti)* [Folklore and speech data as an indicator of local identity among the residents of the Zimny Shore (Rus. 'bereg') of the White Sea]. *Narodnye kul'tury Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona: novye metody issledovaniya. Mat-ly Mezhd. molodezhn. nauch. shkoly po fol'kloristike (g. Arkhangel'sk, 8–11 noyabrya 2012 g.). Pod obshch. red. prof. N. V. Drannikovoy* [National Cultures of the Barents Region: New Research Methods. Proc. of the Internat. research youth school of folkloristics (Arkhangel'sk, 8–11 November 2012)]. Arkhangel'sk, 2013, pp. 15–26 (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. *Traditsii ustnoy i knizhnoy kul'tury* [Traditions of oral and book culture]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (accessed: 14 July 2016) (In Russ.).
- Otnosheniya antropologa i izuchaemogo soobshchestva* [Relations between an anthropologist and a community under study]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. St. Petersburg, 2016, No. 30, pp. 8–72 (In Russ.).
- Petrov N. V. *Mifologicheskie teksty o rusalkakh na russko-belorusskom pogranič'e (novye zapisi)* [Mythological texts about mermaids in the Russia-Belarus border territories (new records)]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, pp. 140–152 (In Russ.).
- Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy. Sb. st. / red. kol.: M. V. Akhmetova (otv. red.), O. V. Belova, A. B. Moroz, N. S. Petrova* [Regional studies in folkloristics and ethnolinguistics: problems and prospects. Edit. by M. Akhmetova et al.]. Moscow, State Republ. Center of Russian Folklore Press, 2015, 296 p. (In Russ.).
- Tolstaya S. M. *Ustnyy tekst v yazyke i v kul'ture* [Oral text in language and culture]. *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe / sost. M. A. Gister* [Word — oral and bookish. Comp. by M. Gister]. Moscow, 2009, pp. 34–40 (In Russ.).
- Toporkov A. L. *Fol'kloristika v mezhdistseplinarnom dialoge* [Folkloristics: an interdisciplinary dialogue]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2015 / otv. red. V. A. Tishkov; sost. N. V. Tarasova* [Transactions of Department for Historical and Philological Studies of RAS 2015. Edit. by V. Tishkov, comp. by N. Tarasova]. Moscow, 2016, pp. 23–41 (In Russ.).
- Tyrkuemis adygekher. Iory luater (Fol'klor adygov Turtsii. Sbornik tekstov, na adyg.yaz.) / sost. i red. R. B. Unarokova* [Folklore of Turkish Circassians. Collected texts. Comp. by R. Unarokova]. Maykop, 2004, 580 p. (In Adyghe).
- Khristoforova O. B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye traditsii: semantika, pragmatika, sotsial'nye funktsii. Avtoref. dis... dokt. filol. Nauk* [Discourse about magic and local folklore traditions: semantics, pragmatics, social functions. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2010, 46 p. (In Russ.).
- Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, OGI Publ., 2005, 272 p. (In Russ.).
- Geçmişten geleceğe Çerkesler: Kültür, Kimlik ve Siyaset. Editörü Sevdâ Alankuş ve Esra Oktay Arı*. Ankara, 2014, 542 p. (In Turk.).
- Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri. Derleyen, Onsozve Yorumlar: M. M. Pashtova*. Ankara, Kafkas Araştırma Kültür ve Dayanışma Vakfı, 2016, 149 p. (In Turk.).

УДК 398

Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблемМадина Михайловна Паштова¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологии и народного искусства, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (Майкоп, Российская Федерация). E-mail: gupsa@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает условия взаимовлияния зафиксированного текста и фольклорного поля, факторы вторичности, играющие роль при записи текста и его «возвращении», в виде медиа- и книжной продукции. Используемые методы: аудиовизуальная запись и заметки в дневнике; сравнительно-типологический, структурно-функциональный, статистический анализ. На основе собирательского и эдиционного опыта автора выявляются важные для диаспорного поля принципы работы с текстом. В частности, учитывая интенсивность «горизонтальной» коммуникации в исследуемом «поле», необходимо обращать внимание на формулировку вопросов, в том числе задаваемых фольклористами в медийном пространстве (социальных сетях), при составлении понятийно-терминологического аппарата изданий текстов локальной традиции отдавать приоритет народным дефинициям, придерживаться графических знаков и принципов, максимально приближающих письменный текст к местному говору, не усложняя при этом прочтение (т. е. оставляя более точные транскрипции для специальных лингвистических изданий). В целом, взаимодействие публикующегося фольклориста и представителей исследуемой традиции должно осознанно придерживаться принципа минимального «вторжения» в вернакулярные практики.

Ключевые слова: фольклор, локальный текст, полевые записи, эдиционная практика, черкесы, диаспора, вернакулярная культура